Изъ воспоминаній стараго кавказца.

Въ 40-хъ годахъ я служилъ юнкеромъ въ Куринскомъ полку, штабъ-квартира котораго находилась въ крѣпости Воздвиженской, расположенной на лѣвомъ флангѣ Кавказа, въ 30-ти верстахъ впереди крѣпости Грозной. Воздвиженская была расположена близъ Аргунскаго ущелья на крутомъ берегу рѣки Аргуна, потоки котораго противъ крѣпости стремительно неслись нѣсколькими рукавами по лощинѣ въ ширину около полверсты, вырывая по временамъ изъ ущелья громадные камни, кувыркавшіеся въ бурныхъ потокахъ неглубокой рѣки.

Дѣвственные лѣса Кавказа, окружавшіе съ двухъ сторонъ Воздвиженскую, давали возможность горцамъ обстрѣливать, въ ночное время, эту крѣпость и въ особенности съ противоположнаго берега Аргуна, гдѣ въ предупрежденіе этого была построена укрѣпленная башня для роты солдатъ, занимавшихъ въ ней караулъ поочередно, и кромѣ того нижняя часть берега подъ крѣпостью Воздвиженской имѣла также особое укрѣпленіе.

Эта могучая крѣпость, стоя одиноко на рубежѣ Большой Чечни, имѣла у себя особаго коменданта въ лицѣ командира Куринскаго полка и значительный гарнизонъ, въ составъ котораго, кромѣ куринцевъ и подвижной артиллеріи, входили: ракетная команда, взводъ саперъ и двѣ-три сотни донскихъ казаковъ. Одинъ баталіонъ нашего полка занималъ построенное въ 1847 году, въ 14 верстахъ отъ Воздвиженской, укрѣпленіе Урусъ-Мартанка. На долю гарнизона приходилось еженедѣльно поочередно участвовать въ конвоированіи большихъ обозовъ во время оказіи изъ Воздвиженской въ Грозную, а также въ прикрытіи рабочихъ во время фуражировокъ и заготовки дровъ для нуждъ крѣпости. Командировки эти весьма рѣдко обходились безъ перестрѣлки съ непріятелемъ, и особенно во время оказіи, гдѣ при движеніи колонны черезъ Ханкальское ущелье горцы часто безнаказанно съ высоты горъ обстрѣливали колонну пушечными снарядами, производя переполохъ

въ обозѣ при перепряжкѣ убитыхъ лошадей, тогда какъ наши войска, находясь въ ущельѣ, лишены были возможности отвѣчать тѣмъ же.

Лѣса съ вѣковыми чинарами гигантскихъ размѣровъ, переплетенные дикимъ виноградникомъ, со множествомъ порослей, служили также хорошей засадой для горцевъ. Такъ однажды рота Куринскаго полка при заготовкѣ дровъ едва успѣвъ разставить цѣпь заняла свои мѣста въ лѣсу, поставивъ ружья въ козлы, а рабочіе принялись за вырубку, какъ запавшая заранѣе въ чащѣ партія горцевъ, не замѣченная передовыми пикетами, сдѣлала залпъ по цѣпи и, напавъ врасплохъ на роту, нанесла ей сильный уронъ, изрубивъ при этомъ шашками сидѣвшаго на барабанѣ командира роты капитана Сухацкаго. Такія хищническія дѣйствія непріятеля заставили и куринцевъ принять свои мѣры. Была образована охотничья команда съ двухствольными ружьями, имѣвшими откидные штыки, и командѣ этой въ свою очередь нерѣдко удавалось въ ночное время изъ засады у лѣсныхъ дорогъ истреблять шайки немирныхъ горцевъ.

Въ крѣпости Воздвиженской дамское общество ограничивалось семействами четырехъ офицеровъ и, женившагося впослѣдствіи, нашего командира полка барона Меллера-Закомельскаго. Общество же офицеровъ и юнкеровъ, людей безспорно хорошихъ и принадлежавшихъ преимущественно къ дворянскимъ фамиліямъ, было очень значительное; къ послѣднимъ причислялись также разжалованные офицеры, врачи и другія интеллигентныя лица изъ сосланныхъ на Кавказъ поляковъ, въ числѣ которыхъ были даже и ксендзы.

Появленіе штатскихъ на передовой линіи было въ то время большой рѣдкостью и, за исключеніемъ единственнаго тогда помѣщика на Кавказѣ Хастатова, какъ-то еще пришлось видѣть, въ свитѣ намѣстника Воронцова, его домашняго казначея, рослаго блондина Александровскаго и, затѣмъ пріѣзжавшаго къ намъ въ Воздвиженское, сына Воронцова, который, числясь по дипломатическому корпусу, проводилъ большую часть времени въ Англіи, имѣя тамъ вліятельныхъ родственниковъ среди высшей англійской аристократіи. Сенечка Воронцовъ, какъ мы его тогда звали, былъ пресимпатичный малый и страстный охотникъ, имѣвшій дорогія ружья и породистыхъ подружейныхъ собакъ. Онъ явился къ намъ въ первый разъ совсѣмъ по виду англичаниномъ, въ пестромъ костюмѣ и съ длинной шевелюрой до плечъ, но затѣмъ вскорѣ совершенно преобразился. За заслуги отца его произвели изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ капитаны гвардіи, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ и прикомандированіемъ къ нашему Куринскому полку.

Такое необычайное производство сына Воронцова было въ тѣ времена не рѣдкостью. Императоръ Николай Павловичъ любилъ награждать дѣйствительно по-царски, награждая не только самихъ отличавшихся въ бояхъ, но за ихъ заслуги и ихъ дѣтей.

Мужское общество, скучая въ свободное отъ службы время, поневолѣ развлекалось азартной игрой въ карты, ставя послѣднюю копѣйку ребромъ. Другихъ развлеченій не было, почему даже рѣдкій пріѣздъ съ виноградомъ казачекъ Терской линіи представлялъ для Воздвиженской не малый интересъ и въ особенности когда появлялась гребенская казачка Дунька Догадиха. Ей молодежь однажды устроила даже факельное шествіе, неся ее съ пѣснями на носилкахъ по уединенной части крѣпости. Эта въ своей ранней молодости знаменитая красавица очаровала не на шутку, пріѣзжавшаго на Кавказъ, извѣстнаго старика генерала графа Ч..., который снялъ даже масляными красками съ нея портретъ, украшавшій его петербургскіе салоны.

Такая безшабашная жизнь молодежи, при которой каждому, какъ говорится, жизнь была копѣйка, однако же очень рѣдко порождала ссоры среди офицеровъ и за время моей службы, кромѣ извѣстной дуэли поручика Кабардинскаго полка Т—ва, я еще помню только одинъ случай дуэли въ Воздвиженской, во время картъ, между поручикомъ Никилевымъ и полковымъ священникомъ. Послѣдній былъ тяжело раненъ шашкой въ голову и хотя на судѣ заявилъ, что отца съ сыномъ никто не можетъ судить безъ ихъ жалобы, но тѣмъ не менѣе Никилевъ былъ разжалованъ въ рядовые, а священникъ удаленъ.

Набѣги на ближайшіе немирные аулы баронъ Меллеръ-Закомельскій дѣлалъ сравнительно рѣдко, но зато всегда удачно и безъ большихъ съ нашей стороны потерь убитыми и ранеными. Набѣги эти производились преимущественно тогда, когда чеченцы, въ свою очередь, дѣлали набѣги въ другихъ мѣстностяхъ, о чемъ всегда давали знать падкіе до золота лазутчики. Каждый набѣгъ давалъ возможность угонять у горцевъ скотъ, необходимый для продовольствія нашихъ войскъ, и истреблять аулы, которые въ большинствѣ случаевъ дѣлались послѣ этого покорными и выселялись около нашихъ крѣпостей. Но эти набѣги далеко не удовлетворяли уже привыкшія къ бою войска и каждый нетерпѣливо ожидалъ лѣтней и зимней экспедицій, для которыхъ стягивались войска изъ разныхъ мѣстъ.

Въ 1849 году на лѣвомъ флангѣ были предприняты двѣ экспедиціи противъ горцевъ. Первая изъ нихъ при р. Нефтянкѣ, съ мая продолжалась около полутора мѣсяца.

Отрядомъ командовалъ полковникъ Сусловъ, который ранѣе былъ командиромъ старѣйшаго на Кавказѣ Гребенскаго линейнаго казачьяго полка. Гребенцы были коренные старообрядцы, къ числу которыхъ почему-то причисляли и полковника Суслова, завѣряя, что онъ будто бы былъ даже у нихъ попомъ и по временамъ, облачаясь въ ризы, служилъ обѣдню въ станицѣ Червленной. Но обстоятельство это весьма сомнительно, такъ какъ впослѣдствіи, когда Сусловъ жилъ въ Грозной, мнѣ не разъ приходилось у него обѣдать, и онъ молился крестомъ принятымъ у православныхъ. Гребенскіе же казаки и въ особенности казачки, хотя и были очень гостепріимны, но угощали православныхъ, подавая имъ обѣдъ въ особой посудѣ, не скрывая своей принадлежности къ расколу. Въ продолженіе экспедиціи при рѣкѣ Нефтянкѣ была построена укрѣпленная башня, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости Грозной. Горцы, какъ и всегда, мѣшали работамъ по постройкѣ башни, обстрѣливая по временамъ лагерь изъ орудій; но такъ какъ прямыхъ нападеній съ ихъ стороны не было и затѣмъ около недѣли царило въ лагерѣ полное затишье, то Сусловъ сдѣлалъ набѣгъ на ближайшій немирный аулъ, получивъ свѣдѣнія объ отсутствіи въ немъ горцевъ. Рота, въ которой я состоялъ, не попала въ отрядъ, назначенный для набѣга, но по моему ходатайству я былъ прикомандированъ къ другой ротѣ капитана Позенковскаго, съ которой и пришлось мнѣ участвовать въ чрезвычайно жаркомъ дѣлѣ. Отрядъ этотъ, состоявшій только изъ одной роты пѣхоты, сотни казаковъ и 2-хъ орудій, тихо вышелъ на разсвѣтѣ; шли лѣсомъ по узкой дорогѣ; на рѣдкихъ полянкахъ громадныя дикія кошки съ пушистыми хвостами, грѣвшіяся подъ лучами восходящаго солнца, при нашемъ приближеніи съ необычайной быстротой вспрыгивали на деревья, а золотистые фазаны то и дѣло выпархивали изъ дикихъ порослей; охотникамъ, скрѣпя сердце, приходилось только любоваться этой картиной. Наконецъ, передъ нами раскрылось большое поле, покрытое кукурузой, за которымъ виднѣлись сакли немирнаго аула. Прежде чѣмъ выйти на поляну, намъ приказано было перейти у опушки лѣса въ бродъ небольшую, но топкую рѣчку Шавдонку, для прикрытія моста, который наводили саперы для кавалеріи и артиллеріи. Послѣ этого казаки во главѣ съ Сусловымъ быстро направились къ аулу, близъ котораго паслось непріятельское стадо рогатаго скота. Случайно проходившая близъ этой мѣстности партія горцевъ, подъ начальствомъ извѣстнаго чеченскаго наиба Талгика, замѣтила нашу конницу; казаки должны были ограничиться только угономъ значительнаго количества скота и затѣмъ вступили въ перестрѣлку съ этой партіей. Одновременно съ этимъ началась обратная переправа съ артиллеріей черезъ мостъ, вся тяжесть прикрытія котораго легла на нашу роту, находившуюся въ хвостѣ. Натискъ этой большой партіи горцевъ былъ настолько силенъ, что мы должны были залечь въ канаву, чтобы дать возможность, съ другой стороны Шавдонки, черезъ наши головы, обдать непріятеля картечью изъ орудій. Послѣ разборки моста, когда мы стали переходить въ бродъ эту топкую рѣчонку, артиллерія уже была лишена возможности дѣйствовать и вотъ тутъ то, спѣшившіеся горцы вступили съ нашей ротой въ рукопашный бой. Схватка была отчаянная; она продолжалась лишь нѣсколько минутъ, но потери съ обѣихъ сторонъ убитыми и ранеными были весьма значительны. Прежде всего у насъ былъ убитъ пулей въ голову ротный командиръ капитанъ Позенковскій и, фельдфебель, двумя пулями въ грудь въ числѣ тяжело

раненыхъ оказались офицеръ и почти всѣ унтеръ-офицеры этой роты.

Какъ только наша рота переправилась на другой берегъ Шавдонки и для стоявшей тамъ артиллеріи представилась возможность снова пустить картечь, горцы были разсѣяны съ громаднымъ урономъ. Отрядъ нашъ, подъ выстрѣлами подобравъ убитыхъ и раненыхъ, вернулся въ лагерь по другому отдаленному, но болѣе удобному пути.

Послѣ этого набѣга жители аула, у которыхъ былъ угнанъ скотъ, хотя и пускали въ ходъ свои винтовки, изъ лѣса съ противоположнаго берега рѣки во время водопоя нашихъ лошадей, но до окончанія постройки башни никакихъ особыхъ событій уже не было. Солдаты, скучая въ свободное отъ службы время, развлекались истребленіемъ змѣй, скорпіоновъ и фалангов, попадавшихся въ сосѣднихъ съ лагеремъ развалинахъ бывшаго когда-то жилища горцевъ.

Вторая, гораздо болѣе значительная, экспедиція подъ начальствомъ генерала Нестерова продолжалась съ 3-го августа по 25-е октября, при устройствѣ Тепликичинскаго укрѣпленія, въ мѣстности далѣе за Нефтяной башней, по теченію рѣки Сунжи. Войскамъ пришлось начать эту экспедицію взятіемъ 3-го же августа, съ бою праваго берега рѣки Сунжи, противъ возвышенности, на которой было предположено разбить лагерь и построить укрѣпленіе. Нашему баталіону не суждено было попасть въ эту экспедицію, но я опять былъ прикомандированъ къ ротѣ другого баталіона Куринскаго полка, съ которымъ и участвовалъ въ бою. Зорко за всѣмъ слѣдившіе горцы, видимо, не дремали. Замѣтивъ стягиваніе въ крѣпость Грозную нашихъ войскъ, а можетъ быть даже и узнавъ о предположенной постройкѣ новаго укрѣпленія на развалинахъ бывшаго аула Тепликичу, они устроили на противоположномъ, покрытомъ лѣсомъ, берегу завалы изъ срубленныхъ деревьевъ и хвороста, откуда и встрѣтили нашъ отрядъ пушечными и ружейными выстрѣлами.

Рѣка Сунжа, довольно широка и быстра, но въ этомъ мѣстѣ былъ бродъ выше человѣческаго пояса. Поэтому для облегченія войскъ при штурмѣ заваловъ, начальникомъ отряда было приказано нашей артиллеріи открыть огонь по засѣвшимъ за завалами горцамъ и отдалить непріятельское орудіе, а вслѣдъ затѣмъ отправленъ баталіонъ пѣхоты для взятія съ боя берега. Быстрое теченіе Сунжи сильно затрудняло переходъ въ бродъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, съ ружьями на плечахъ и патронташами на шеѣ. Чтобы не быть снесенными водой, намъ пришлось держаться другъ за друга, убитыхъ же при этомъ, вырывая изъ рядовъ, уносило теченіемъ рѣки.

Конечно, всѣ эти затрудненія продолжались только до достиженія берега, самое же взятіе его при рукопашномъ боѣ, для привычныхъ къ этому кавказскихъ войскъ, было дѣломъ обыкновеннымъ и горцы были выбиты изъ-за своихъ заваловъ и оттѣснены въ чащу лѣса, откуда и продолжалась сильная перестрѣлка съ ними, пока не былъ наведенъ весьма длинный мостъ на высокихъ козлахъ и не была переправлена къ намъ артиллерія.

Послѣ этого хотя часть лѣса, примыкавшая къ мосту, и была расчищена до обширной поляны, но чередовавшимся сторожевымъ отрядомъ въ продолженіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ стоянки Тепликичинскаго лагеря приходилось почти ежедневно вести перестрѣлку съ горцами.

Эта трехмѣсячная экспедиція окончилась съ постройкой Тепликичинскаго укрѣпленія, и въ числѣ представленныхъ къ наградамъ я за 3-е августа 1849 года былъ произведенъ въ офицеры.

Представленіе къ наградамъ шло по инстанціямъ. Изъ полка оно отправлялось къ командиру бригады, къ начальнику дивизіи, къ командующему войсками Кавказской линіи Завадовскому, къ главнокомандующему, который въ то же время былъ намѣстникомъ Кавказа, и затѣмъ уже къ Военному Министру, для доклада Государю Императору. Желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ тогда еще не было и потому даже для курьера, отправлявшагося въ Петербургъ, путь съ Кавказа былъ далекъ и затруднителенъ. Между прочимъ назначалась въ январѣ 1850 г. одна изъ самыхъ крупныхъ по числу войскъ зимняя экспедиція уже въ Большой Чечнѣ, подъ начальствомъ того же начальника лѣваго фланга генерала Нестерова; и хотя въ то время для юнкеровъ, представленныхъ въ офицеры, не было обязательно участвовать въ экспедиціяхъ и набѣгахъ, я все же не желалъ оставаться въ крѣпости, такъ какъ въ этой экспедиціи участвовала не только рота, къ которой я принадлежалъ, но и баталіоны куринцевъ съ нашимъ полковымъ командиромъ.

Экспедиція эта предназначалась для вырубки Шалинскаго лѣса, находившагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Воздвиженской, за рѣкой Аргуномъ, въ видахъ постепеннаго приближенія къ резиденціи Шамиля—Ведины; почему для воспрепятствованія этому Шамилемъ тоже были собраны полчища, которыя, кромѣ канонады по лагерю, встрѣчали и провожали съ ожесточеніемъ каждый день наши очередные отряды, отправлявшіеся для вырубки лѣса, и производили все время съ ними перестрѣлку во время работъ. При этомъ, чтобы охарактеризовать кавказскую боевую жизнь того времени, которая, пріучая войска къ ежедневнымъ опасностямъ жизни, заставляла ихъ равнодушно относиться къ смерти, я для иллюстраціи приведу небольшой случай. Однажды, во время этой экспедиціи, передовая цѣпь войскъ въ лѣсу, охранявшая работы, вела какъ и каждый день жаркую перестрѣлку съ горцами, грѣясь у костра поочередно вслѣдствіе мороза, и артиллерія наша отвѣчала на непріятельскіе выстрѣлы. Офицеры же, сидя у костра, читали Лермонтова, безпрестанно оставляя свой кружокъ для обхода роты, и то и дѣло слышалась команда «сомкнись», что означало выбытіе изъ рядовъ раненыхъ и убитыхъ. Но такъ какъ непріятельскія орудія нельзя было видѣть въ лѣсу и приходилось нашей артиллеріи отвѣчать имъ также навѣсными выстрѣлами, то артиллерійскій поручикъ Ож—въ влѣзъ на высокое дерево, чтобы разсмотрѣть мѣстность для болѣе вѣрнаго направленія орудій, но едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ упалъ оттуда, бывъ убитъ ядромъ въ грудь. Офицеры, конечно, бросились къ нему и при этомъ подпоручикъ Андрейченко, хладнокровно вынувъ у него зажатую въ зубахъ сигару, обтеръ ее и продолжалъ курить со словами: «эхъ, братецъ, не дали даже и докурить такую хорошую сигару». Послѣ чего убитаго приказано было отнести къ перевязочному пункту, а чтеніе Лермонтова снова продолжалось.

В. А. Шомпулевъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ воспоминаній стараго кавказца.

(Продолженіе) **).

По мѣрѣ вырубки Шалинскаго лѣса и углубленія просѣки въ Большую Чечню, ожесточенность горцевъ съ каждымъ днемъ увеличивалась, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивалась и трудность задачи экспедиціи.

Горцы нѣсколько разъ, по возвращеніи очередныхъ отрядовъ въ лагерь, пользуясь продолжительностью зимнихъ ночей, образовывали на произведенной вырубкѣ завалы изъ хвороста, откуда имъ было удобнѣе встрѣчать наши войска, являвшіяся утромъ для продолженія работъ. Въ одинъ изъ такихъ дней колонна подъ начальствомъ командира Куринскаго полка барона Меллера-Закомельскаго, испытавъ эти затрудненія при вступленіи въ лѣсъ и его вырубкѣ, возвращаясь къ вечеру въ лагерь, подверглась сильному преслѣдованію непріятелемъ. Горцы, пользуясь обратнымъ движеніемъ нашей колонны уже по открытой мѣстности, осыпали насъ градомъ пуль, а затѣмъ, выдвинувъ къ опушку лѣса свои орудія, продолжали преслѣдовать пушечными выстрѣлами. Колонна должна была возвратиться, съ помощью картечи дать отпоръ непріятелю, и затѣмъ только, начала отступать съ сильной перестрѣлкой, постоянно останавливаясь. Въ этотъ, роковой для меня, день, я былъ тяжело раненъ въ присутствіи генерала Нестерова, который ежедневно посѣщая работы, на этотъ разъ, въ виду особенно жаркой перестрѣлки, находился при колоннѣ цѣлый день. Рана моя оказалась слишкомъ тяжела, и я былъ доставленъ сначала въ лагерь, а затѣмъ въ военно-временной госпиталь въ крѣпости Грозной, гдѣ и пролежалъ двѣнадцать недѣль. Въ палатѣ, куда я былъ помѣщенъ, находилось двое раненыхъ офицеровъ, а въ сосѣдней комнатѣ четверо больныхъ юнкеровъ, изъ числа которыхъ, маленькій и очень красивый брюнетъ, свѣтлѣйшій князь В—скій интересовалъ всѣхъ своей загадочной семейной исторіей, заставившей его экспромтомъ уѣхать на Кавказъ и опредѣлиться рядовымъ, впредь до полученія надлежащихъ документовъ и утвержденія въ званіи юнкера инспекторскимъ департаментомъ Военнаго Министерства. Князь В. былъ очень богатый человѣкъ, университетскаго образованія, имѣвшій уже чинъ коллежскаго асессора и женатый на красавицѣ княжнѣ, фрейлинѣ двора, которую онъ послѣ свадьбы увезъ въ свои вотчины, но молодая княгиня, привыкшая къ столичной жизни, устроила неожиданно для супруга назначеніе его на штатную придворную должность, съ званіемъ камеръ-юнкера,

---

*) Что ветеринары, находясь въ центральномъ управленіи принесли уже свою пользу, не имѣя еще даже никакихъ правъ, это доказывается тѣмъ, что самое лучшее, что сдѣлано для военной ветеринаріи—сдѣлано въ годы пребыванія ветеринаровъ въ качествѣ совѣтчиковъ въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи (см. Отчеты о санитарномъ состояніи лошадей русской арміи за 1892, 1893, 1894 и 1895 годы).

**) См. «Развѣдчикъ» № 517.

а князь В., въ расчетѣ лишить ее возможности осуществить свои желанія сдѣлалъ ее женой рядового.

Зимняя экспедиція окончилась вырубкой большой просѣки, открывшей значительное безлѣсное пространство, облегчившее возможность дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ въ глубь Большой Чечни. Шамиль, озабоченный этимъ обстоятельствомъ, немедленно образовалъ во всю ширину просѣки глубокіе рвы съ высокой насыпью, имѣвшей видъ большой односторонней крѣпости съ необходимыми приспособленіями для орудій. Въ это время, начальникъ лѣваго фланга, генералъ Нестеровъ настолько серьезно заболѣлъ, что, сдавъ временно должность генералу Козловскому, долженъ былъ для излеченія отправиться въ Тифлисъ. Генералъ Козловскій, признавъ необходимымъ помѣшать окончательному устройству горцами этой крѣпости, получившей названіе Шалинскаго окопа, двинулъ къ нему войска, разсчитывая взять окопъ штурмомъ; но ровъ оказался слишкомъ глубокимъ, а насыпь настолько высокой, что войскамъ нашимъ пришлось отступить съ значительнымъ урономъ и генералъ Козловскій отложилъ штурмъ до особаго распоряженія намѣстника Кавказа, князя Воронцова. Послѣ этого говорили о большой экспедиціи для взятія этого окопа, и въ кр. Воздвиженской Меллеръ-Закомельскій заготовлялъ даже какіе-то особые щиты со ступенями.

Въ первыхъ числахъ мая 1850 г. я оставилъ Грозненскій госпиталь и явился къ своему полку въ Воздвиженскую, гдѣ полковой командиръ поздравилъ меня съ неожиданной наградой. Въ донесеніи начальника лѣваго фланга о послѣдствіяхъ Шалинской зимней экспедиціи я былъ помѣщенъ какъ тяжело раненый юнкеръ, представленный уже за 3-е августа 1849 г. въ офицеры, но несмотря на это Императору Николаю Павловичу благоугодно было пожаловать мнѣ именной солдатскій Георгіевскій крестъ *), который въ то время имѣлъ только одну степень, съ бантовыми украшеніями изъ орденской ленты. Затѣмъ баронъ Меллеръ-Закомельскій объявилъ мнѣ о разрѣшеніи отправить меня на казенный счетъ въ Пятигорскъ, для излеченія ноги. Такъ какъ сезонъ тамъ еще не начался, то, по совѣту врачей, мнѣ предложено было испробовать открывшійся въ горахъ, невдалекѣ отъ крѣпости Грозной, Старо-Юртовскій минеральный источникъ, куда я немедленно и отправился. Но тамъ еще не было никакого устройства и для меня, ходившаго на деревяшкѣ со сведенной ногой въ колѣнѣ, не было возможности имъ воспользоваться. Возвратясь въ Грозную, я былъ обрадованъ письмомъ извѣстнаго Кавказскаго героя, начальника Сунженской линіи, Слѣпцова, который, узнавъ, что я тяжело раненъ, приглашалъ меня до начала сезона въ Пятигорскѣ погостить у него на Сунжѣ и, кстати испробовать вновь открывшійся тамъ Михайловскій минеральный источникъ.

Сунженская линія, принадлежавшая къ Владикавказскому отдѣльному округу, кончалась въ то время Михайловской станицей, до которой отъ Грозной было не болѣе одного дня верховой ѣзды. Это, повидимому, незначительное разстояніе, еще тогда не заселенное, совершенно отдѣляло Сунженскую линію отъ Грозной; сообщеніе было настолько затруднительно, что нашъ полкъ, напримѣръ, никогда не видѣлъ ни Слѣпцова, ни его казаковъ. По направленію къ этой линіи, по рѣкѣ Сунжѣ существовало только, невдалекѣ отъ Грозной, маленькое Закань-Юртовское укрѣпленіе съ гарнизономъ одной роты солдатъ, куда изрѣдка и ходила изъ Грозной оказія для доставленія въ это укрѣпленіе провіанта.

Получивъ отъ генерала Козловскаго безсрочную командировку для излеченія раны на минеральныхъ водахъ и нѣсколько свидѣтельствъ отъ врачей, я отправился на Сунжу кружнымъ путемъ, черезъ Терекскую линію на Владикавказъ. Крѣпость Владикавказъ была бѣдна въ то время постройками; для пріѣзжающихъ имѣлась лишь одна деревянная гостиница Лебедева, каменныхъ строеній не насчитывалось и десятка, къ числу ихъ принадлежалъ одинъ только двухъэтажный домъ, въ которомъ жилъ начальникъ округа, генералъ Ильинскій, да небольшой, но уютный домикъ намѣстника князя Воронцова, гдѣ проѣздомъ останавливались: онъ самъ и съ его разрѣшенія Слѣпцовъ, да посѣщавшій нерѣдко Владикавказъ князь Барятинскій. Поѣздка по Терекской линіи для меня, раненаго, была мучительна; ямщики не соглашались ѣхать шагомъ, потому что почтовая гоньба отъ станціи до станціи, при рѣдкихъ казачьихъ кордонахъ, производилась только днемъ.

Отъ Владикавказа до Сунжи почтовой ѣзды вовсе не было; поѣздка производилась по особому открытому листу, при конвоѣ, который давался съ казачьихъ пикетовъ, разставленныхъ по этому пути. Къ моему благополучію, вскорѣ затѣмъ во Владикавказъ пріѣхалъ Н. П. Слѣпцовъ и захватилъ меня съ собой. Слѣпцовъ былъ саратовецъ, хорошо знакомый съ моей матушкой и особенно дружный съ мужемъ моей единственной сестры, почему и ко мнѣ относился какъ бы близкій родной. Онъ оказалъ мнѣ полное гостепріимство, помѣстивъ съ собой въ своемъ небольшомъ деревянномъ домѣ въ Сунженской станицѣ. Спустя нѣкоторое время я сталъ пользоваться ваннами Михайловскаго минеральнаго источника, куда ежедневно за нѣсколько верстъ ѣздилъ въ экипажѣ Слѣпцова. Затвердѣніе моей сведеной ноги подставляли прямо подъ горячій кранъ источника, и уже вскорѣ я сталъ чувствовать значительное улучшеніе. Тогда по совѣту врачей я переѣхалъ въ Михайловскую станицу и началъ брать ванны по два раза въ день. Къ всеобщему удивленію, послѣ 60-ти ваннъ, нога моя совершенно распрямилась, оставивъ навсегда лишь незначительное затвердѣніе въ икрѣ и укороченіе въ пяткѣ. Но, несмотря на это необыкновенное исцѣленіе отъ Михайловскихъ сѣрныхъ водъ, я все-таки на всю жизнь лишился возможности свободно ходить безъ палки. Понятно, до какой степени я былъ обрадованъ такимъ результатомъ леченія, а вмѣстѣ со мной и Слѣпцовъ, убѣдившій меня совсѣмъ не ѣхать ни въ Пятигорскъ, ни въ Кисловодскъ, а переѣхать къ нему и для укрѣпленія, послѣ горячихъ ваннъ, покупаться въ Сунжѣ, что я и сдѣлалъ.

Въ продолженіе этого лѣта Слѣпцовъ казался чѣмъ-то особенно озабоченнымъ; въ его кунацкую часто являлись лазутчики, которыхъ старшій переводчикъ штабсъ-капитанъ Хунга-Мальсаговъ щедро угощалъ. Вскорѣ прибыло въ его распоряженіе нѣсколько лицъ изъ свиты намѣстника, въ числѣ которыхъ было два адъютанта: маіоръ, свѣтлѣйшій князь Зейнъ-Виттгенштейнъ-фонъ-Берлебургъ и штабсъ-капитанъ Нолкенъ и два офицера, состоявшіе также при Воронцовѣ, но носившіе полковые мундиры: поручикъ Куринскаго полка князь Голицынъ и гвардейскій штабсъ-ротмистръ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Послѣдній помѣстился у Мезенцева, а прочіе поблизости Слѣпцова. Всѣ каждый день обѣдали у него и тамъ же проводили большую часть дня. Однажды вечеромъ Слѣпцовъ, получивъ какой-то докладъ отъ своего переводчика, попросилъ гостей прогуляться въ своихъ виноградникахъ, расположенныхъ невдалекѣ отъ дома, возлѣ котораго былъ разбитъ небольшой палисадникъ съ высокими деревьями. Мы поспѣшно отправились, но любопытство взяло верхъ и, подойдя къ балкону, мы стали присматриваться къ происходившему въ залѣ. Тамъ мы увидѣли Слѣпцова; передъ нимъ стоялъ переводчикъ Хунга-Мальсаговъ и чеченецъ, закутавшій свое лицо башлыкомъ. Разговоръ между ними продолжался около четверти часа, послѣ чего Слѣпцовъ, крѣпко пожавъ руку горца, отправилъ ихъ въ кунацкую, а самъ, оставшись одинъ, сначала быстро заходилъ по залѣ, окидывая всѣ окна своими черными, возбужденными глазами, а затѣмъ, сдѣлавъ какой-то пируэтъ, началъ отплясывать мазурку. Дондуковъ не выдержалъ и расхохотался, а вслѣдъ за нимъ и остальные. Услыхавъ это, Слѣпцовъ бросился къ балконной двери, но пока онъ отпиралъ ее ключомъ, мы, зная его вспыльчивый характеръ, были уже въ виноградникахъ, притаившись на землѣ. Послѣ этого Слѣпцовъ долго не ложился спать, отдавая какія-то приказанія и разсылая гонцовъ, а на другое утро къ нему начали являться отдѣльные начальники расположенныхъ на линіи войскъ и сотенные командиры его полка. Лишь къ вечеру слѣдующаго дня, когда Слѣпцовъ остался совершенно одинъ, онъ сказалъ мнѣ,

*) Это обстоятельство было поводомъ къ возбужденію вопроса въ какомъ размѣрѣ я долженъ получать пенсію на георгіевскій крестъ, по званію юнкера или по чину прапорщика, въ которомъ Георгій мнѣ пожалованъ. Переписка эта окончилась лишь послѣ царствованія трехъ Императоровъ: Николая I-го, Александра II-го и Александра III-го и по заключенію Военнаго Министерства мнѣ, изъ Саратовской казенной палаты, былъ выданъ пенсіонъ на Георгіевскій крестъ сразу, за нѣсколько десятковъ лѣтъ по званію юнкера.

что отправляется въ набѣгъ и, быть можетъ, будетъ въ отсутствіи дня три — четыре. Позвавъ къ себѣ своего бывшаго дядьку изъ крѣпостныхъ, семидесятилѣтняго Якова Михайловича, который у него на Кавказѣ былъ и maître d'hôtel и поваръ, онъ просилъ его позаботиться обо мнѣ въ его отсутствіе. Мнѣ сдѣлалось очень грустно провожать въ бой Слѣпцова, къ которому я, за это короткое время пребыванія у него, привязался всей душой. Я сталъ просить позволенія сопровождать его. Слѣпцовъ сначала сильно протестовалъ, находя, что мнѣ, непринадлежащему къ войскамъ его линіи и вдобавокъ присланному для излеченія, неудобно да и не къ чему пускаться въ такія авантюры. Но я такъ убѣдительно просилъ, что наконецъ, онъ согласился и я, уже дѣлавшій передъ тѣмъ ежедневныя поѣздки верхомъ, въ черкесскомъ платье, которое носятъ линейные казаки, присоединился къ Михайловской сотнѣ эсаула Малецкаго, съ которымъ особенно сошелся во время пребыванія на водахъ въ Михайловской станицѣ. Тутъ мнѣ представилась возможность видѣть удаль Слѣпцова и его рѣдкія военныя способности.

Съ разсвѣтомъ дня потянулись пѣхотные баталіоны съ артиллеріей и обозомъ—съ шанцовымъ инструментомъ, а за ними сотни донскихъ казаковъ съ пиками и, наконецъ, сунженскіе казаки во главѣ съ Слѣпцовымъ и его свитой. Растянутый отрядъ, казавшійся очень большимъ, слѣдовалъ вдоль рѣки Сунжи, по направленію къ Закапъ-Юрту, невдалекѣ отъ котораго въ лѣсахъ, по другую сторону рѣки, существовали еще немирные аулы горцовъ, имѣвшихъ вышки для наблюденія за движеніемъ нашихъ войскъ. Ночью, по достиженіи брода черезъ Сунжу, отряду приказано было остановиться и, дождавшись утра, вернуться обратно, что видимо было замѣчено немирными горцами съ ихъ вышекъ и ихъ обмануло. Слѣпцовъ же, пользуясь темнотой ночи, не останавливаясь, съ одними своими сунженскими казаками переправился на другой берегъ и, углубившись въ лѣсъ, пошелъ по направленію къ крѣпости Воздвиженской. Недоходя нѣсколькихъ верстъ, онъ сдѣлалъ привалъ и отправилъ гонца къ барону Меллеру-Закомельскому, прося выслать двѣ роты куринцевъ и два орудія, которыя затѣмъ и прибыли съ старшимъ отряднымъ адъютантомъ Меллера, капитаномъ Соболевскимъ.

Этотъ маленькій отрядъ, переправившись черезъ рѣку Аргунъ и незамѣченный горцами благодаря сильному туману, тихо подошелъ къ Шалинскому окопу, гдѣ, по сдѣланному Слѣпцовымъ заранѣе распоряженію, часть сунженскихъ казаковъ была спѣшена и выстроена по флангамъ окопа, а другая часть верхами обходила его по лѣсу; самъ же Слѣпцовъ, съ шашкой наголо, повелъ куринцевъ на приступъ. Куринцы, воодушевленные присутствіемъ этого Кавказскаго героя, спустившись въ ровъ и вскакивая на плечи одинъ другого, несмотря на открытый по нимъ огонь сторожевыхъ чеченцевъ, скоро очутились на крѣпостномъ валу, откуда съ крикомъ «ура» бросились въ штыки на оторопѣвшихъ горцевъ, составлявшихъ гарнизонъ этого укрѣпленія. Смутившіеся этимъ неожиданнымъ нападеніемъ чеченцы хотя сначала и встрѣтили шашками осаждавшихъ, но увидя окружавшую ихъ изъ лѣсу казачью конницу, обратились въ бѣгство, оставивъ крѣпостное знамя и едва успѣвъ увести свои орудія. Слѣпцовъ же, вскочивъ на лошадь, въ пылу отваги, погнался съ горстью казаковъ за непріятелемъ вглубь лѣса и только съ величайшимъ трудомъ былъ остановленъ его приближенными. Но впослѣдствіи онъ долго не могъ успокоиться, узнавъ, что одно изъ непріятельскихъ орудій было брошено въ лѣсу по случаю изломавшагося лафета.

Тутъ же увѣдомленный о взятіи Шалинскаго окопа баронъ Меллеръ-Закомельскій прибылъ съ баталіонами своего полка, и Слѣпцовъ передалъ ему, какъ командующему войсками ближайшей крѣпости, взятый имъ Шалинскій окопъ, который и былъ, затѣмъ, разрушенъ съ помощью пороха и захваченнаго отрядомъ Меллера шанцеваго инструмента. Окопъ былъ сильно укрѣпленъ, имѣя бастіоны для орудій и на валу туры, наполненные мелкимъ камнемъ.

Потеря отряда Слѣпцова при этомъ дѣлѣ ограничилась только нѣсколькими ранеными. Послѣ взятія окопа, когда Слѣпцовъ, обходя роты, благодарилъ ихъ, послышался свистъ пули и ея ударъ во что-то мягкое; Слѣпцовъ спросилъ: «кто раненъ?», но отвѣта не послѣдовало; увидавъ же, что стоявшій около него старый куринскій солдатъ, рядовой Бойко, кончавшій 25-лѣтнюю службу на Кавказѣ придерживаетъ ногу рукой, изъ-подъ которой текла кровь, Слѣпцовъ обнялъ его, а солдатъ, продолжая стоять, только сказалъ: «не безпокойтесь, ваше высокоблагородіе, въ кость не попало, до свадьбы заживетъ!», но съ этими словами старикъ упалъ и былъ доставленъ на перевязочный пунктъ.

По донесенію намѣстника Кавказа Государю о взятіи Шалинскаго окопа, Императоръ Николай Павловичъ изволилъ начертать: «Славно! Полковника Слѣпцова — въ генералъ-маіоры», а кавалерская дума, съ Высочайшаго утвержденія, присудила Слѣпцову Георгія 4-й ст., о чемъ его вскорѣ и увѣдомилъ князь Воронцовъ.

Слѣпцова мы скоро увидѣли въ генеральскихъ эполетахъ. При поздравленіяхъ его съ царской милостью, онъ шутливо говорилъ: «хотя я и генералъ теперь, но въ душѣ всегда останусь полковникомъ». Креста же Георгіевскаго онъ долго не хотѣлъ надѣвать, волнуясь, что его соучастники въ этомъ дѣлѣ не скоро получатъ награды, такъ какъ представленіе о нихъ пошло обычнымъ путемъ по инстанціямъ.

Припоминаю при этомъ курьезный разсказъ о командующемъ войсками Кавказской линіи, малороссѣ генералѣ Завадовскомъ, который, послѣ экспедицій получая списки представленныхъ къ наградамъ офицеровъ и затрудняясь представлять эти большіе списки къ намѣстнику Кавказа, имѣлъ обыкновеніе, закрывая глаза, водить по списку карандашомъ, приговаривая: «везе—не везе, везе—не везе» и т. д. зачеркивая, такимъ образомъ, одинхъ и оставляя другихъ. Когда же ему адъютантъ докладывалъ, что изъ числа зачеркнутыхъ есть нѣкоторые офицеры, которые уже не въ первый разъ лишаются такимъ образомъ наградъ, то старикъ на это отвѣчалъ: «Ну, якъ не везе, то ужь и не везе!» Конечно этотъ способъ назначенія наградъ не касался особо отличившихся и раненыхъ, о которыхъ представленіе дѣлалось особо.

Къ этому времени относится и посѣщеніе Кавказа Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Его Высочество, слѣдуя изъ Воздвиженской на Сунженскую линію вдоль Черныхъ горъ, на глазахъ сопровождавшей его колонны выказалъ рѣдкую храбрость. Горцы, джигитуя вдоль опушки лѣса, направляли свои выстрѣлы въ экипажъ Цесаревича. Послѣ первыхъ же пуль пролетѣвшихъ надъ головой, Его Высочество быстро вскочилъ на свою верховую лошадь и, обнаживъ шашку, съ небольшимъ конвоемъ, помчался къ горцамъ. Это произошло такъ быстро, что конвой, находившійся около коляски, съ трудомъ могъ за нимъ поспѣть, чтобы завязать перестрѣлку съ непріятелемъ. Полученный послѣ этого Цесаревичемъ, по присужденію кавалерской думы, Георгій 4-й ст. затѣмъ всегда украшалъ грудь Государя Александра Николаевича.

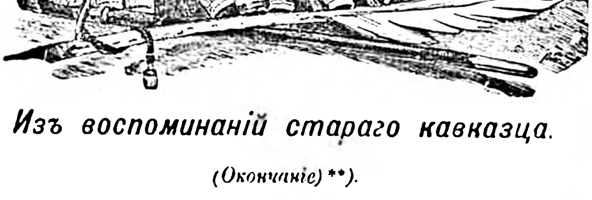
Встрѣча Цесаревича войсками Сунженской линіи и генераломъ Слѣпцовымъ была очень торжественна. Его Высочество, пробывъ въ Сунженской станицѣ въ домѣ Слѣпцова болѣе сутокъ *), направился во Владикавказъ, охраняемый казаками, во главѣ которыхъ Слѣпцовъ быстро несся на своемъ конѣ возлѣ коляски Высокаго Гостя.

Трудности боевой жизни кавказскихъ войскъ настолько сближали начальство съ подчиненными, что Цесаревичъ не могъ этого не замѣтить и высказалъ по этому поводу свое удовольствіе Слѣпцову, къ которому онъ вообще былъ очень милостивъ. Кавказскія войска въ то время имѣли совершенно особую форму отъ прочихъ войскъ, нося вмѣсто фрачныхъ мундировъ и киверовъ однобортные съ свѣтлыми пуговицами сюртуки, папахи и высокіе сапоги, а офицеры къ тому же вмѣсто шпагъ были вооружены шашками на золотой перевязи, что въ общемъ строю имѣло особый видъ и очень понравилось Цесаревичу.

В. А. Шомпулевъ.

(Окончаніе будетъ).

*) Тогда я былъ представленъ Цесаревичу какъ раненый, и много лѣтъ спустя Императоръ Александръ Николаевичъ, обладая необыкновенной памятью, припомнилъ это во время представленія мною Его Величеству адреса по должности Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства.



Изъ воспоминаній стараго кавказца.

(Окончаніе) **).

Осенью этого года я уже снова былъ при своемъ полку и такъ какъ безъ помощи ручного костыля ходить не могъ, то получилъ право имѣть его въ строю; но несмотря на это, мнѣ вскорѣ пришлось окончательно убѣдиться, что въ пѣхотѣ я служить не могу, хотя во время набѣговъ и оказій всѣ офицеры пѣхотныхъ войскъ Кавказа имѣли верховыхъ лошадей. Во время перваго же набѣга подъ начальствомъ, также уже произведеннаго въ генералы, барона Меллера-Закомельскаго, мнѣ пришлось во время перестрѣлки, быть около своей роты, спѣшеннымъ, и на другой же день, я вслѣдствіе воспаленія ноги попалъ въ лазаретъ, гдѣ и пролежалъ двѣ недѣли. Это обстоятельство вынудило меня испросить продолжительный отпускъ на родину, а до разрѣшенія его Государемъ, возвратившійся послѣ болѣзни генералъ Нестеровъ дозволилъ мнѣ снова отправиться на Сунжу, поручивъ отвести къ Слѣпцову, для Сунженскаго казачьяго полка, четыре солдатскихъ Георгія за взятіе Шалинскаго окопа.

Въ это время началъ формироваться второй Сунженскій полкъ. Поселеніе изъ отставныхъ солдатъ въ крѣпости Грозной было обращено въ одну изъ его сотенъ, и кромѣ того начата была постройка новой станицы этого полка между станицей Михайловской и Заканъ-Юртовскимъ укрѣпленіемъ. Въ Заканъ-Юртѣ, какъ я ранѣе уже упоминалъ, гарнизонъ состоялъ изъ одной роты. Когда я сюда прибылъ командиръ роты, онъ же начальникъ этого укрѣпленія, передалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ генералъ Слѣпцовъ находится съ своимъ отрядомъ не далѣе четырехъ верстъ отъ Заканъ-Юрта, на другой сторонѣ рѣки Сунжи, и что если я желаю попасть въ его отрядъ, кратчайшимъ путемъ, вмѣсто дальней поѣздки въ Сунженскую станицу, то онъ, познакомитъ меня съ поручикомъ крѣпостной гарнизонной артиллеріи, который, бывая часто въ сосѣднихъ немирныхъ аулахъ и имѣя тамъ кунаковъ, можетъ меня совершенно безопасно провести къ Слѣпцову. Конечно я съ радостью согласился и тутъ же познакомился съ этимъ офицеромъ, полякомъ по происхожденію. Онъ носилъ всегда черкесское платье и среди горцевъ былъ извѣстенъ подъ фамиліей Султанъ-Гирея.

Оба мы въ черкесскихъ платьяхъ, съ бурками на плечахъ и закутанные башлыками переправились, съ наступленіемъ ночи, черезъ Сунжу и поѣхали лѣсомъ, гдѣ на пути встрѣтилось намъ нѣсколько немирныхъ горцевъ. Съ этими горцами Султанъ-Гирей, какъ знакомый, здоровался, поднимая руку кверху и говорилъ что-то по-чеченски, я также машинально поднималъ руку къ папахѣ. Дорога лѣсомъ была настолько узка, что приходилось при встрѣчахъ тѣмъ или другимъ осаживать лошадей въ сторону.

Наконецъ завидѣлись въ чащѣ огни, и только тутъ Султанъ-Гирей объяснилъ мнѣ, что это небольшой аулъ немирныхъ горцевъ, черезъ который намъ надо было проѣзжать и что Слѣпцовъ, находясь вблизи съ отрядомъ, далъ имъ четырехдневный срокъ для изъявленія покорности ежели они немедленно не переселятся вглубь Чечни. Подъѣзжая къ аулу, мы увидѣли въ немъ большую суматоху. При свѣтѣ костровъ женщины бѣгали то и дѣло въ свои сакли, нагружая запряженныя арбы своими пожитками, горцевъ же виднѣлось очень мало, и Султанъ-Гирэй объяснилъ это тѣмъ, что часть ихъ погнала уже свой скотъ въ Большую Чечню, а другая вѣроятно находится гдѣ-нибудь вблизи Слѣпцовскаго отряда. Наконецъ мы подъѣхали къ обширному полю окруженному этимъ лѣсомъ; въ разстояніи не болѣе версты виднѣлись большіе костры указывавшіе на стоянку Слѣпцова; тутъ Султанъ-Гирей простился со мной, взявъ слово не говорить Слѣпцову о его со мной поѣздкѣ и предупредилъ, что въ ближайшей куртинѣ на этой полянѣ, быть можетъ, имѣется со стороны горцевъ пикетъ и потому, чтобы не навлечь на себя подозрѣній. совѣтовалъ мнѣ до этой куртины ѣхать шагомъ, а затѣмъ, поравнявшись, скакать до отряда во весь опоръ, добавивъ, что если и будутъ по мнѣ выстрѣлы, то за темнотой ночи не попадутъ. Конечно я поблагодарилъ Султанъ-Гирея, но въ душѣ послалъ его ко всѣмъ чертямъ, потому что никакъ не предполагалъ подвергнуться такому риску и вдобавокъ еще съ врученными орденами. Оставшись одинъ, я, слѣдуя совѣту Султанъ-Гирея, тихо доѣхалъ до указаннаго мѣста и, не встрѣтивъ тамъ никого, продолжалъ ѣхать шагомъ, но вдругъ услыхалъ сзади конскій топотъ и едва я успѣлъ пустить свою лошадь въ карьеръ, какъ по мнѣ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, разбудившій лагерь Слѣпцова, изъ котораго навстрѣчу уже неслось двое всадниковъ. Въ нихъ я узналъ младшихъ переводчиковъ Слѣпцова, поручиковъ Шамхала и Исаія, которые меня къ нему и проводили. Увидя меня Слѣпцовъ сначала былъ только удивленъ и дружески выговаривалъ за необдуманный поступокъ, но узнавъ, что со мной находятся посланные для его

*) См. «Развѣдчикъ» № 496.
**) См. «Развѣдчикъ» № 518.

казаковъ ордена, пришелъ въ неописанный гнѣвъ: грозилъ меня арестовать, предать суду и даже разстрѣлять, но, зная его вспыльчивый характеръ, я все время молчалъ.

Когда Слѣпцовъ успокоился и прочиталъ полученную, черезъ меня, бумагу отъ начальника лѣваго фланга, онъ просилъ разсказать подробности моей поѣздки, а при извѣстіи, что горцы покидаютъ аулъ и переселяются, къ нему вернулась обычная доброта и ласковость. Онъ уже смѣясь разсказалъ обо всемъ этомъ собравшимся офицерамъ и, приказавъ откупорить нѣсколько бутылокъ портера, угостилъ насъ. Въ отрядѣ Слѣпцова, несмотря на наступившія холодныя ночи, не было однакоже ни одной палатки, и самъ онъ закутанный въ бурку спалъ на землѣ. Это приходилось Слѣпцову и его отрядамъ дѣлать нерѣдко, такъ какъ его походы, кромѣ зимнихъ экспедицій съ участіемъ начальника Владикавказскаго округа, преимущественно имѣли цѣлью замиреніе горцевъ и очищеніе обширной мѣстности по Сунженской линіи, необходимой для свободной обработки полей его казаками.

На другой день отрядъ Слѣпцова двинулся обратно. Во время его стоянки не было никакихъ столкновеній съ горцами и только подходя къ воспѣтой Лермонтовымъ мѣстности «Валерикъ» началась перестрѣлка, продолжавшаяся до выхода въ совершенно открытое поле.

Въ Сунженской станицѣ Слѣпцовъ снова пригласилъ меня жить у него, объяснивъ, что ранѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ разрѣшеніе моего отпуска не можетъ быть получено. Время этого отдыха я вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ, несмотря на то, что рана давала себя чувствовать, такъ какъ послѣ каждой продолжительной поѣздки верхомъ, мнѣ приходилось лежать въ постелѣ и ходить на костыляхъ.

Въ домѣ Слѣпцова за это время перебывало много извѣстныхъ кавказскихъ генераловъ, большинство которыхъ были настолько сравнительно молоды, что теперь зачастую старше ихъ встрѣтишь даже оберъ-офицеровъ и всѣ эти, закаленные въ бою генералы, представляли собою не малый интересъ.

Зимой этой мнѣ съ Слѣпцовымъ приходилось бывать во Владикавказѣ, гдѣ на вечерѣ у генерала Ильинскаго онъ познакомилъ меня съ нѣсколькими кабардинскими князьями, которые, пригласивъ къ себѣ, дали возможность присмотрѣться къ быту жителей Кабарды. На Сунжѣ же Слѣпцовъ, не одинъ разъ, доставлялъ мнѣ удовольствіе участвовать въ охотѣ на кабановъ, разрѣшая для этого извѣстнымъ своимъ казакамъ-охотникамъ отправляться со мною въ отъѣздъ сутокъ на двое. Охота происходила между Сунжей и Терекомъ, въ безлѣсныхъ балкахъ, въ которыхъ мѣстами находились родники, поросшіе камышомъ, откуда съ помощью двухъ-трехъ небольшихъ горскихъ собакъ щеекъ выгоняли выводки кабановъ. Во время не совсѣмъ безопаснаго ночлега казаки, поочередно охраняя отдыхающихъ товарищей, наблюдали съ высоты балокъ за появленіемъ горцевъ, а на привалѣ у огня я любилъ слушать разсказы казаковъ, и о возникновеніи Сунженской линіи подъ начальствомъ Слѣпцова и сформированіи имъ 1-го Сунженскаго полка; при этомъ особенно были интересны разсказы страстнаго охотника есаула Баскакова. Сунженскій полкъ, говорилъ онъ, формировался изъ разнаго сброда, стекавшагося изъ всѣхъ мѣстностей Россіи; тутъ были донцы, уральцы, астраханцы, оренбургцы, сибиряки, отставные солдаты и проч., поэтому первая горсть казаковъ была въ самомъ разнообразномъ одѣяніи и съ различнымъ оружіемъ. Всѣ они, конечно, были народъ отчаянный, такъ какъ оставлять родину и спокойную жизнь для поселенія на Сунжѣ, среди немирныхъ горцевъ, людямъ хорошо обезпеченнымъ не было никакого резона. Сначала, прибывъ безъ семей, они поставили себѣ кое-какія землянки и мазанки, и день и ночь находились на бивачномъ положеніи. Однажды, когда набралось казаковъ человѣкъ около 60, Слѣпцовъ, отправляясь съ ними для заготовки сѣна, въ мѣстности, гдѣ была теперь у насъ охотничья стоянка, завидѣлъ, появившуюся изъ сосѣдней балки партію горцевъ человѣкъ въ 400. Чеченцы, вѣроятно, недоумѣвая одни ли казаки находились тутъ или за балкой былъ еще отрядъ, остановились, но Слѣпцовъ, недолго думая, выстроилъ своихъ казаковъ въ одну линію и сказалъ: «что вы хотите вернуться домой трусами или умереть со славой? Храбрыхъ Богъ не оставляетъ!» потомъ, снявъ шапку онъ перекрестился, а за нимъ и всѣ, и съ шашками наголо эта горсть сунженцовъ понеслась на непріятеля. Озадаченные такой смѣлостью, горцы сначала даже не трогались съ мѣста, но когда Слѣпцовъ съ казаками, врѣзавшись въ партію, сталъ рубить направо и налѣво, горцы повернули въ тылъ, смяли задніе ряды и обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ убитыми болѣе ста человѣкъ; лошадей, оружіе и одѣяніе забрали сунженцы для собственной экипировки. Изъ казаковъ же было только нѣсколько раненыхъ. Съ того времени, добавилъ Баскаковъ, началась слава Слѣпцова и его сунженцовъ, привлекавшая въ этотъ полкъ людей уже болѣе состоятельныхъ и осѣдлыхъ. Существующія теперь большія благоустроенныя станицы этого полка обязаны своимъ процвѣтаніемъ исключительно одному Слѣпцову, замирившему горцевъ на всемъ пространствѣ Сунженской линіи.

Разсказы о славныхъ дѣлахъ Слѣпцова шли одинъ за другимъ и изъ нихъ видно было какъ съ увеличеніемъ числа сунженскихъ казаковъ росли и ихъ подвиги. Самъ же Слѣпцовъ избѣгалъ объ этомъ говорить, хотя, какъ человѣкъ живого характера и обладавшій даромъ слова, любилъ вести въ кругу мужчинъ оживленную бесѣду, при дамахъ же онъ былъ очень застѣнчивъ. Слѣпцовъ имѣлъ свои странности, къ числу которыхъ принадлежала, всѣмъ извѣстная, его необъяснимая боязнь сверчковъ. Какъ теперь помню какую онъ подымалъ суматоху при первомъ его звукѣ.

— Ларька, Ларька—кричалъ онъ своего крѣпостного лакея,—ты слышишь, ты слышишь,—повторялъ онъ, не произнося даже названія этого ничтожнаго насѣкомаго и не оборачиваясь въ ту сторону.

Ларька, вооруженный головнымъ гребнемъ, присаживался на полъ и посредствомъ гребня подражая звукамъ сверчка, вызывалъ его такимъ образомъ изъ-подъ плинтуса. Слѣпцовъ прислушивался, окидывая присутствующихъ какимъ-то особеннымъ блуждающимъ взоромъ и прекративъ всякіе разговоры. Наконецъ онъ спрашивалъ.

— Поймалъ ты, поймалъ?

— Поймалъ-съ,—отвѣчалъ ему Ларька.

— Нѣтъ ты врешь, упустилъ навѣрно, — волновался Слѣпцовъ.

Когда же на это, приближаясь къ нему, плутоватый Ларька отвѣчалъ.

-- Извольте хоть сами посмотрѣть, Николай Павловичъ.

Слѣпцовъ, какъ ужаленный, отскакивалъ и оборачиваясь къ нему спиной, кричалъ.

— Пошелъ вонъ каналья, пошелъ вонъ!

И эти курьезы повторялись довольно часто. Слѣпцовъ, несмотря на свою боевую жизнь, былъ крайне впечатлителенъ и смерть не только офицеровъ, но и казаковъ, его сильно разстраивала, такъ что послѣ каждаго убитаго въ бою подъ его начальствомъ онъ дѣлался молчаливъ и мраченъ, почему и было его всегдашней заботой обставлять свои военныя дѣйствія съ возможно меньшей потерей. При этомъ семьи убитыхъ онъ всегда обезпечивалъ, истративъ большую часть своего состоянія на казаковъ.

Весною 1851 года, получивъ Высочайше разрѣшенный мнѣ для излеченія раны продолжительный отпускъ на родину, съ сохраненіемъ содержанія, я, отправившись въ путь, испыталъ всю прелесть тогдашнихъ порядковъ на почтовыхъ станціяхъ. Между Кизляромъ и Астраханью въ Ногайскихъ степяхъ почтовое сообщеніе производилось на волахъ, при чемъ ямщики-ногайцы, погоняя воловъ, шли рядомъ съ ними пѣшкомъ и такъ какъ станціи были по 40 верстъ, то этотъ способъ передвиженія пріучалъ пассажировъ къ большому терпѣнію, и такимъ образомъ отъ Кавказа до Саратова я ѣхалъ двадцать дней.

Отпускъ мнѣ принесъ мало пользы. Я почти не оставлялъ костылей и уже подумывалъ совсѣмъ не возвращаться, но письма полковыхъ товарищей и нѣсколько писемъ Слѣпцова, которыя я храню до сихъ поръ, ободрили меня надеждою на возможность снова поправиться на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, почему въ августѣ того же года, я возвратился къ полку, и проѣзжая черезъ Сунженскую линію засталъ Слѣпцова раненымъ въ первый разъ, но рана его, къ счастью, была не изъ серьезныхъ. Онъ лежалъ въ малень-

комъ деревянномъ вокзалѣ Михайловскаго источника и временами былъ очень веселъ, часто шутливо говорилъ, что наконецъ-то его черезъ десять лѣтъ подстрѣлили.

Въ крѣпости Воздвиженской я нашелъ большія перемѣны. Командиромъ Куринскаго полка назначался, произведенный въ полковники, сынъ намѣстника Кавказа, Воронцовъ. Домъ, который занималъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, реставрировался и большая передъ нимъ площадь превращалась въ тѣнистый паркъ. Меллеръ-Закомельскій оставался командующимъ войсками этой крѣпости.

Послужить мнѣ, однако же, пришлось недолго и хотя будущее улыбалось, но вслѣдствіе открывшейся раны, признанной врачами не уступающей врачебнымъ средствамъ, я долженъ былъ подать въ отставку и Высочайшимъ приказомъ Императора Николая I, 24 мая 1852 года, былъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Недолго затѣмъ пришлось читать въ газетахъ о славныхъ дѣлахъ Слѣпцова. Онъ, получивъ высшее назначеніе, не дожилъ даже до Севастопольской войны и былъ убитъ въ сраженіи съ горцами пулей въ грудь. Падая съ лошади онъ, желая перекреститься, успѣлъ только поднести къ головѣ руку со словами:

— «Боже, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному!..»

Его похороны, какъ описывалъ въ то время служившій при немъ полковникъ Нейманъ, были до крайности трогательны, и когда гробъ опускали въ могилу, закаленные въ бою сунженскіе казаки навзрыдъ плакали, а ихъ жены клали своихъ грудныхъ дѣтей въ могилу Слѣпцова, причитывая съ рыданіями, что съ его смертью умерло и счастье ихъ дѣтей. При этомъ Нейманъ добавлялъ, что онъ былъ преданъ Слѣпцову какъ собака своему хозяину и поклонялся ему какъ дикіе — солнцу. Намѣстникъ Воронцовъ, опечаленный этой утратой, доносилъ Государю, что Слѣпцовъ былъ его правой рукой и что онъ незамѣнимъ на Кавказѣ.

Государемъ Императоромъ приказано было Сунженскую станицу, гдѣ жилъ Слѣпцовъ, именовать Слѣпцовской, и такъ какъ Слѣпцовъ не былъ женатъ, то дѣти его двоихъ братьевъ были опредѣлены въ высшія учебныя заведенія на казенный счетъ, а одинъ изъ нихъ даже въ Пажескій корпусъ. Кромѣ того, большая картина, изображающая смерть Слѣпцова, занимаетъ видное мѣсто въ покояхъ Государя въ Зимнемъ дворцѣ.

Не могу не добавить, что Слѣпцовъ былъ крайне религіозенъ и у него, какъ извѣстно, была даже дуэль съ однимъ военнымъ, который при немъ непочтительно отозвался о святынѣ.

В. А. Шомпулевъ.